

писокъ изъ святоотеческихъ твореній и сочиненій духовныхъ писателей, составленномъ Н. В. Гоголемъ преимущественно по журналу „Христіанское Чтеніе“. Этою темою первѣ всего имѣлось въ виду пропитулировать не только весь сборникъ со стороны его источниковъ, которые далеко еще не всѣ опредѣлены съ точностію, но и самые эти источники въ связи съ религіозно-нравственными воззрѣніями Гоголя, такъ какъ далеко не все, интересовавшее Гоголя и прочитанное имъ въ этихъ источникахъ, попало въ сборникъ. Второю задачею темы была историко-критическая оцѣнка того матеріала, который получился бы отъ предварительной аналитической работы надъ сборникомъ и его источниками. Но авторъ переставилъ эти задачи въ обратномъ порядкѣ и далъ преимущественное, почти исключительное развитіе второй задачѣ. Нельзя сказать, чтобы у него совершенно не было предварительнаго анализа сборника и его источниковъ: у автора мѣстами встрѣчаются совершенно новая разработка отдѣльных пунктовъ сборника и освѣщеніе ихъ, какъ, напр., выписокъ сборника изъ писемъ Залонскаго Затворника Георгія Машурина. Но авторъ не придаетъ большого значенія анализу частныхъ сборника и указанію параллелей его съ соответствующими мѣстами религіозно-нравственныхъ сочиненій Гоголя и чуть ли даже не считаетъ эту работу безплодною для своей задачи. А задачею своею онъ ставитъ не скрупулезное изслѣдованіе сборника и его источниковъ, но рѣшеніе теоретическихъ проблемъ о міросозерцаніи Гоголя вообще и въ частности о религіозно-нравственныхъ его воззрѣніяхъ. Причина такой постановки дѣла, по нашему мнѣнію, заключается въ складѣ ума автора, болѣе склоннаго къ синезу и апріорнымъ построеніямъ, чѣмъ къ кропотливой аналитической работѣ. Съ этой точки зрѣнія и должно быть оцѣниваемо рассматриваемое сочиненіе.

Точкою отправленія для сужденій автора послужилъ обычный взглядъ на литературную дѣятельность Гоголя, раздѣляющій ее на два періода: цвѣтущій періодъ чисто художественныхъ

Протоколы.

литературныхъ произведеній до 1842 года и періодъ упадк художественной его дѣятельности и появленія религіозно-нравственныхъ сочиненій Гоголя. При такомъ взглядѣ, православному богослову приходилось бы говорить только о второмъ періодѣ литературной дѣятельности Гоголя, не касаясь перваго періода. Но авторъ разсматриваемаго сочиненія не признаетъ рѣзкаго, крутаго перелома въ литературной дѣятельности Гоголя, не допускаетъ его вивисекціи и представляетъ Гоголя цѣльною натурою на всемъ протяженіи его литературной дѣятельности, хотя и съ несущественными наклоненіями въ ту или другую сторону. Вотъ центральная мысль всего сочиненія, проходящая по всему сочиненію и связующая его въ одно органическое цѣлое! Она развивается у него въ трехъ главахъ. В первой главѣ авторъ устанавливаетъ общій взглядъ на нравственно религіозныя воззрѣнія Гоголя на основаніи выписокъ сборника и религіозно-нравственныхъ мотивовъ и сентенцій разбѣянныхъ по всѣмъ его сочиненіямъ, не исключая и художественныхъ его произведеній, и приходитъ къ заключенію, что основное требованіе Гоголевской морали было: „путемъ страданій и скорбей устроить свое спасеніе и спасеніе другихъ людей“ (стр. 118 и 119). Заимствована ли Гоголемъ эта мораль изъ тѣхъ источниковъ христіанскаго нравоученія, изъ которыхъ онъ почерпалъ выписки для своего сборника? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ во второй главѣ и отвѣчаетъ отрицательно. Вопросъ о вліяніи духовной литературы на Гоголя во второй періодъ его жизни есть въ сущности вопросъ о крутомъ переломѣ въ жизни Гоголя, дѣлящемъ его жизнь на два противоположныхъ періода. Но авторъ вообще не вѣритъ въ крутые до противоположности жизненные переломы, а тѣмъ болѣе въ переломъ жизни у Гоголя, который всегда отличался самостоятельнымъ, настойчивымъ характеромъ и не поддавался стороннимъ вліяніямъ. Вліянія духовной литературы на Гоголя отрицать нельзя, но оно шло на встрѣчу уже окрѣпшимъ, во всякомъ случаѣ уже прочно заложеннымъ въ душѣ настроенію.

ніямъ самого Гоголя, которыя проявлялись еще въ его юности и выражались въ исканіи правды, въ желаніи послужить на пользу человѣчества и проч. т. п., что отражалось и на художественныхъ его произведеніяхъ. Самое писательство свое Гоголь считалъ только однимъ изъ выводовъ служенія государству. Послѣдній періодъ въ жизни Гоголя былъ только яркимъ проявленіемъ глубоко заложенной въ душѣ Гоголя религіозности, хотя и съ мистической окраской. Какова была эта религіозность, что дала она Гоголю, какова ея объективная цѣнность,—объ этомъ авторъ говоритъ въ третьей, послѣдней главѣ своего сочиненія. Здѣсь онъ изображаетъ глубокій дуализмъ въ психикѣ Гоголя, обуславливавшій собою пессимизмъ въ религіозно-нравственныхъ его воззрѣніяхъ. Смотри на религію, какъ на одинъ изъ путей къ самовоспитанію и достиженію высокой гармоніи въ жизни, Гоголь въ то же время встрѣчалъ въ окружавшей его дѣйствительности и въ самомъ себѣ контрастъ своимъ идеальнымъ стремленіямъ. Отсюда у него религіозная раздвоенность, мучительный разладъ сознанія, разладъ сентиментальнаго сердца и остраго, насмѣшливаго ума и проч. Отсюда же объясняются его увлеченія, односторонности и исключительности нѣкоторыхъ его нравственныхъ воззрѣній, которыя однако же въ значительной мѣрѣ искупаются тѣмъ, что Гоголь вѣрилъ въ человѣка, въ его душу живу, былъ энтузіастомъ отъ природы и твердо преслѣдовалъ намѣченные имъ цѣли.

Можно оспаривать отдѣльныя мысли разсматриваемаго сочиненія, которыя иногда какъ будто насильно подгоняются къ заранѣ установленному взгляду автора; но даже и такія одностороннія мысли, опираясь взаимно одна на другую, находятъ оправданіе или извиненіе себѣ въ идеѣ сочиненія, въ его общемъ планѣ и построеніи и теряютъ яркость своей односторонности. Вообще сочиненіе продумано авторомъ отъ начала до конца и на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ названія диссертациі, т. е. разсужденія, но никакъ не механическаго,

компилятивнаго подбора и сдѣяленія отдѣльных фактовъ. Языкъ сочиненія чистый, литературный. Мысли большею частію выражены съ логическою округленностію. Мѣстами попадаются страницы, на первый разъ кажущіяся неясными, и особенно введеніе, въ которомъ авторъ подступаетъ къ своему предмету издалека и которое становится понятнымъ только по прочтеніи всего сочиненія; но такихъ страницъ сравнительно немного. Сочиненіе можно назвать весьма хорошимъ“.

8) О сочиненіи студента *Θеодора Власова* на тему: „Домострой, какъ памятникъ литературы и какъ источникъ для воспроизведенія религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа“.

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Въ предисловіи своего сочиненія студентъ Власовъ указываетъ на историко-литературное значеніе Домостроя и дѣлаетъ общія замѣчанія о неудовлетворительности существующихъ изслѣдованій о Домостроѣ и о задачѣ своего собственнаго труда. Второе мѣсто въ сочиненіи занимаетъ „оглавленіе списковъ Домостроя“ или надписанія главъ Домостроя по двумъ древнѣйшимъ, „основнымъ спискамъ его; оглавленіе это снабжено особымъ надписаніемъ: „къ 49 страницъ“. Затѣмъ идетъ самое изслѣдованіе автора, состоящее изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая въ свою очередь подраздѣляется на четыре главы. Изъ нихъ первая глава говоритъ о началѣ изученія Домостроя и изданіи его списковъ, о положеніи въ науцѣ вопросовъ относительно автора Домостроя, отношенія его къ предшествующей ему литературѣ, литературной и житейской почвы, на которой явился Домострой, — вмѣстѣ съ цѣлою исторіей литературы по указаннымъ вопросамъ, — а снова о тѣхъ задачахъ, какія имѣетъ въ виду авторъ. Во второй главѣ авторъ разсматриваетъ различные списки Домостроя XVI, XVII и XVIII вѣковъ, отмѣчаетъ и уясняетъ ихъ характери-

стическія особенности и подводитъ эти списки подъ двѣ основныя редакціи — полную и сокращенную, рассматривая вмѣстѣ съ тѣмъ съ историко-критической точки зрѣнія существующіе въ наукѣ взгляды о времени происхожденія Домостроя и о древнѣйшей редакціи его. Въ третьей главѣ, послѣ общихъ замѣчаній объ особенностяхъ древне русскихъ литературныхъ произведеній, авторъ рассматриваетъ мнѣнія различныхъ ученыхъ о составѣ и объ авторѣ Домостроя, обосновываетъ свой взглядъ на Домострой, какъ на единое цѣльное произведеніе, принадлежащее извѣстному протопопу Московскаго Благовѣщенскаго собора Сильвестру; говоритъ о личности и историческомъ значеніи этого протопопа, о побужденіяхъ къ составленію имъ Домостроя, мѣстѣ и времени его написанія. Въ четвертой главѣ выдвигается вопросъ, какого рода и въ какой мѣрѣ можно предположить вліяніе на автора Домостроя со стороны предшествующихъ дидактическихъ сочиненій, и вообще — насколько при составленіи Домостроя авторъ его былъ самостоятеленъ. Наконецъ, во второй части указывается литературно-бытовое значеніе Домостроя, отношеніе его къ жизни древне-русскаго народа, и отмѣчаются, по Домострою же, черты религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа.

Изъ этого общаго очерка содержанія сочиненія студента Власова видно, что авторъ его широко раздвинулъ рамки своей работы и обозрѣлъ взятый имъ для изслѣдованія вопросъ, по возможности, со всѣхъ существенныхъ его сторонъ. И сочиненіе это, несомнѣнно, стоило автору большого, кропотливаго труда. Но виѣшняя сторона работы автора вызываетъ на нѣкоторыя замѣчанія: во первыхъ, стоящее непосредственно послѣ предисловія оглавленіе списковъ Домостроя совершенно тамъ не умѣстно: его нужно было помѣстить или подъ строкой на 49 й страницѣ, къ которой оно, по словамъ самого автора, и относится, или же въ концѣ сочиненія, въ видѣ приложения; во вторыхъ, нерѣдко замѣчается нѣкоторая растянутасть въ основаніяхъ и выводахъ и повтореніе однихъ и тѣхъ же по

существо разсужденій какъ въ одной и той же, такъ и въ различныхъ частяхъ сочиненія. Изложеніе сочиненія, за самыми малыми исключеніями, весьма хорошее; иногда можно встрѣтить грамматическія погрѣшности, которыя всего охотѣе можно было бы счесть описками, если бы только всѣ онѣ могли быть отнесены на счетъ переписчиковъ.

Въ общемъ сочиненіе должно быть признано очень хорошимъ, дающимъ автору безспорное право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Обширный трудъ студента Власова (370 стр.) представляетъ собою серьезный и толковый опытъ изслѣдованія памятника древне-русской литературы, бывшего уже не разъ предметомъ научныхъ изысканій. Автору поэтому прежде всего необходимо было познаться съ добытыми выводами и потому уже, если это окажется возможнымъ, сказать свое слово. Сдѣлано одно и другое. Чтобы ознакомиться съ серьезностью постановки дѣла, достаточно представить общую программу сочиненія.

Сочиненіе студента Власова распадается на слѣдующія части: на введеніе, въ которомъ указывается исключительная важность разсматриваемаго памятника, и на двѣ части изслѣдованія. Первая часть въ свою очередь состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой главѣ разсматривается Домострой, какъ памятникъ литературы, съ обзорѣніемъ имѣющихъ въ наукѣ данныхъ по этому вопросу. Во второй главѣ представленъ обстоятельный обзоръ редакцій и списковъ Домостроя съ указаніемъ старѣйшей редакціи и списковъ ея. Въ главѣ третьей представлена характеристика эпохи, современной появленію Домостроя и указывается связь этого памятника съ литературой своего времени. Здѣсь же рѣчь идетъ объ авторѣ, мѣстѣ и времени написанія Домостроя.

Во второй части разсматривается Домострой, какъ источникъ для воспроизведенія религіозно-правственнаго состоянія русскаго народа, литературно-бытовое значеніе памятника и отношеніе его къ жизни русскаго народа.

Отсюда ясно видно, какъ то, что авторъ точно и обстоятельно обслѣдовалъ предложенную тему, такъ и то, что сочиненіе расположено по строго выдержанному плану.

Въ изученіи памятника авторъ неизбѣжно выходитъ изъ положеній извѣстнаго изслѣдованія о Домостроѣ Некрасова, но приходитъ къ инымъ выводамъ. Для него несомнѣнно, что такъ называемая полная редакція Домостроя, не смотря на старшинство списка, въ которомъ она сохранилась, позднѣе краткой и вышла изъ послѣдней; что въ цѣломъ своемъ видѣ Домострой не есть постепенное соединеніе, сдѣланное, неизвѣстно кѣмъ, трехъ частей, а произведеніе одного лица, произикнутое единствомъ идеи и построенія; что авторомъ Домостроя былъ именно извѣстный современникъ Грознаго Сильвестръ, какъ это усматривается изъ соотношенія Домостроя съ несомнѣнными произведеніями Сильвестра; что Домострой написанъ въ Москвѣ и есть произведеніе общерусское, совмѣщавшее въ себѣ особенности быта московскаго и новгородскаго, какъ и особенности говора той и другой мѣстности; что написанъ онъ всего вѣроятнѣе послѣ 1547 года. Таковы существенные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ. Если нѣкоторые изъ этихъ выводовъ и признать недостаточно обоснованными, допускающими иное рѣшеніе поставленныхъ авторомъ вопросовъ; то попытку пойти своею дорогою, хотя бы и не безъ помощи другихъ, можно только одобрить. — Слогъ сочиненія правильный и легкій.

Въ виду сказаннаго считаю диссертацию студента Власова очень хорошею и вполне заслуживающею искомой степени“.

9) О сочиненіи студента Матрофана *Дювицкаго* на тему: „Przestroga prawowiernym—іеромонаха Зосимы Сопнѣкевича, 1678 года“.

а) Доцента С. Песоцкого:

„Избравши предметомъ своего сочиненія изслѣдованіе рукописнаго на польскомъ языкѣ памятника полемиической литературы второй половины XVII вѣка, направленнаго противъ латино-уніатовъ и извѣстнаго подъ названіемъ „Przestroga prawniegnuш“, авторъ подраздѣлилъ весь добытый имъ матеріалъ на три главы, которымъ предпослалъ краткое предисловіе, гдѣ намѣтилъ предметъ своего сочиненія и упомянулъ объ отсутствіи въ русской литературѣ попытокъ обслѣдованія полемиическихъ памятниковъ второй половины XVII вѣка. Затѣмъ, въ первой главѣ (стр. 1—37) авторъ говоритъ объ общемъ характерѣ полемики между православными и латино-уніатами во второй половинѣ XVII вѣка и отношеніи ея къ полемикѣ предшествовавшаго времени, объ историческихъ обстоятельствахъ, вызывавшихъ ея возникновеніе, и указываетъ поводъ появленія, составъ и краткое содержаніе различныхъ полемиическихъ сочиненій того времени. Во второй главѣ (стр. 38—83) авторъ предлагаетъ библіографическія свѣдѣнія о самой Пшестрогѣ,—о рукописныхъ спискахъ ея, о сочиненіяхъ, противъ которыхъ была написана Пшестрога, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія и характера, о вѣроятномъ авторѣ Пшестроги Зосимѣ Согиѣкевичѣ, о времени ея написанія, ея цѣли, задачѣ, характерѣ, о литературныхъ приѣмахъ автора, объ изложеніи и языкѣ Пшестроги, ея научныхъ и литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ. Наконецъ, въ третьей (стр. 84—193), самой обширной по объему, главѣ излагается самое содержаніе Пшестроги, примѣнительно къ ея тексту.

Авторъ не задается широкими научными задачами: въ его сочиненіи могли бы найти мѣсто и придать болѣе научной основательности изслѣдованію такія стороны предмета, которыя или совсѣмъ упущены изъ виду авторомъ, или поставлены въ сочиненіи не совсѣмъ прочно. Но въ заслугу автору нужно поставить то, что въ тѣхъ предѣлахъ, какіе онъ намѣтилъ себѣ, матеріалъ

свой расположилъ онъ стройно, по естественному плану и безъ излишнихъ разсужденій; нужно прибавить къ этому, что автору въ большинствѣ приходилось имѣть дѣло съ рукописнымъ матеріаломъ. Языкъ сочиненія въ первыхъ двухъ главахъ хорошій, легкій; въ третьей главѣ переложеніе содержанія написаннаго на польскомъ языкѣ памятника на русскій языкъ значительно отразилось на литературномъ изложеніи сочиненія. Нельзя не отмѣтить обилія ошибокъ и описокъ посторонняго переписчика сочиненія, изъ которыхъ далеко не всѣ исправлены, при перечитываніи, рукою автора.

Для степени кандидата сочиненіе нужно признать удовлетворительнымъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Предметъ сочиненія—совершенно новый, до послѣдняго времени вовсе даже и неизвѣстный въ наукѣ. Рукописный трудъ іеромонаха Зосимы Сोगнѣкевича съ пробѣлами и, слѣдовательно, въ свое время не приготовленный вполне къ печати, скромно укрывался въ тайникахъ Кіево-Софійской бібліотеки. А между тѣмъ этотъ полемическій трудъ долженъ занять извѣстное мѣсто въ ряду православныхъ полемическихъ сочиненій второй половины XVII вѣка, направленныхъ противъ латинянъ. Поэтому студенту Дѣвицкому предстояла задача обследовать самое сочиненіе о. Сोगнѣкевича и затѣмъ указать его мѣсто и значеніе въ исторіи южно-русской православной полемики второй половины XVII вѣка. Г. Дѣвицкій, повидимому, вполне правильно понялъ свою задачу и объемъ ея, раздѣливъ свое сочиненіе на три главы. Въ первой главѣ онъ указываетъ,—насколько для него возможно было, общій характеръ полемики второй половины XVII вѣка, поводъ къ ея возникновенію, обстоятельства, при которыхъ велась она, а также и самые образцы полемическихъ сочиненій за это время; во второй главѣ представляетъ бібліографическій очеркъ изслѣдуемаго памят-

ника, а въ третьей излагаетъ самое содержаніе Перестроги. Тогда какъ послѣднія двѣ главы касаются самаго сочиненія о. Согиѣкевича, его происхожденія, содержанія и характера, — первая глава долженствовала показать мѣсто Перестроги въ ряду другихъ полемическихъ сочиненій указаннаго времени. Но первая глава сочиненія студента Дѣвицкаго не имѣетъ существеннаго значенія. Это — только предисловіе или введеніе къ самому изслѣдованію, не указывающее труду о. Согиѣкевича строго опредѣленнаго мѣста въ тогдашней полемикѣ. Лучшимъ отдѣломъ изслѣдованія является вторая глава, въ которой авторъ говоритъ о двухъ католическихъ анонимахъ, вызвавшихъ Перестрогу, сообщаетъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ ея Согиѣкевичѣ и написаніи ея въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1678 до 1684 г.) и дѣлаетъ удачную характеристику эрудиціи, ученыхъ пріемовъ, изложенія и тона сочиненія. Замѣтнымъ пробѣломъ въ этой главѣ является то, что г. Дѣвицкій не имѣлъ возможности даже видѣть тѣхъ анонимовъ, противъ которыхъ писалъ Согиѣкевичъ, и составилъ себѣ понятіе о нихъ только по отвѣтамъ и опроверженіямъ Согиѣкевича. Въ третьей главѣ сочиненія студента Дѣвицкаго подробно излагается содержаніе трехъ частей Перестроги, а именно: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о святомъ апостолѣ Петрѣ и 3) о римскихъ епископахъ. Эта глава, въ настоящемъ видѣ крайне утомительная для чтенія, должна быть, по нашему мнѣнію, только подготовительною работою къ изслѣдованію Перестроги въ связи ея съ предшествовавшими, а пожалуй — и послѣдующими полемическими сочиненіями, служить основаніемъ для сличенія сходныхъ пунктовъ полемики у другихъ полемистовъ и для соотвѣствующихъ научныхъ выводовъ. Но авторъ не сдѣлалъ этого въ виду трудности предстоявшей ему задачи. Едва совладѣвъ съ польскою рукописью о. Согиѣкевича, студентъ Дѣвицкій остался совершенно безпомощнымъ при ознакомленіи съ южно-русскою православною полемикой второй половины XVII вѣка, доселѣ никѣмъ не обслѣдованной, не имѣлъ

возможности собрать извѣстныя въ наукѣ, но составляющія библиографическую рѣдкость православныя полемическія сочиненія этого времени, изучитъ ихъ и сличитъ подробно съ Перестрогой Согиѣкевича. Онъ положилъ только первую основу для изученія труда Согиѣкевича въ ряду другихъ полемическихъ сочиненій того времени, много поработалъ для этого дѣла и обнаружилъ способность къ ученой работѣ. Языкъ не вездѣ точенъ, ясенъ и правиленъ. Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно*.

10) О сочиненіи студента Григорія Засадкевича на тему: „Вліяніе христіанства на развитіе общественной и частной благотворительности въ римскомъ государствѣ“.

а) Заслуж. экстраординарнаго профессора М. Олесницкаго:

„Въ сочиненіи студента Засадкевича обращаетъ на себя вниманіе прежде всего бѣдность пособій. Иностранныя пособія совершенно отсутствуютъ. Да и русскихъ очень мало. При такихъ условіяхъ неизбежна неполнота изслѣдованія. Кромѣ того, авторъ, въ предисловіи къ сочиненію заявилъ, что „главный интересъ его сочиненія будетъ заключаться въ первой части сочиненія, посвященной обзору древне-римской языческой благотворительности“. Какъ примирить это заявленіе съ темой сочиненія, требующей, чтобы главный интересъ былъ сосредоточенъ на второй части сочиненія, изображающей вліяніе христіанства на развитіе общественной и частной благотворительности въ римскомъ государствѣ? Да и во второй части авторъ не только занимается выясненіемъ вліянія христіанства на развитіе благотворительности въ римскомъ государствѣ, сколько излагаетъ вообще исторію благотворительности въ первые вѣка христіанства. Потому онъ говоритъ не мало такого, что могло бы быть обойдено, и обходитъ или недостаточно развиваетъ кое что такое, что должно бы имѣть мѣсто въ его сочиненіи или требуетъ большаго развитія. Подобное замѣчается и въ первой

части сочиненія. Непонятно, наконецъ, какимъ образомъ авторъ могъ выставять сказанное имъ о благотворительности съ значеніемъ идеала для нашего времени и въ тоже время заявлять, что главный интересъ его сосредоточенъ на языческой римской благотворительности; какимъ образомъ, вообще, онъ усматриваетъ идеаль благотворительности не только въ древнемъ христіанскомъ мірѣ, но и въ древнемъ языческомъ, римскомъ. Тѣмъ не менѣе въ предѣлахъ доступной для автора литературы и въ границахъ составленнаго имъ плана онъ старался сдѣлать возможное для разрѣшенія своего вопроса и изложилъ добытые результаты языкомъ и слогомъ, хотя не бойкими, но удовлетворительными. Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Сочиненіе г. Засадкевича состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ первой, обнимающей первыя двѣ главы, авторъ представляетъ общую характеристику общественнаго, семейнаго и религіознаго быта древнихъ римлянъ и трактуетъ о состояніи благотворительности въ Римѣ до утвержденія христіанства, и именно въ періодъ республики и въ періодъ имперіи, а во второй части, обнимающей 3-ю и 4-ю главы, выясняетъ основы христіанской благотворительности и говоритъ о развитіи ея въ христіанскихъ общинахъ въ первые три вѣка и о состояніи ея въ послѣдующія времена до паденія западной римской имперіи.

Древній Римъ представлялъ крайне неблагопріятную почву для развитія благотворительности. Во всѣхъ областяхъ жизни римскаго народа господствовалъ по изображенію автора духъ политики и національный и личный эгоизмъ, не оставлявшіе мѣста для той любви къ ближнимъ, которая лежитъ въ основѣ истинной благотворительности. Всѣ добродѣтели римлянъ имѣли чисто политическій и гражданскій характеръ. Такія добродѣтели, какъ милосердіе и состраданіе, или совершенно были не извѣстны, или составляли большую рѣдкость. Что касается, въ частности, общественной дѣятельности римлянъ во времена республики, то только въ снабженіи народа дешевымъ и бесплат-

нымъ хлѣбомъ и въ колонизаціи малонаселенныхъ провинцій государства бѣднѣйшими гражданами можно усматривать въ нѣкоторой степени благотворительный характеръ. Въмѣсто же частной благотворительности господствовала среди римлянъ лишь щедрость (*liberalitas*), выражавшаяся въ поларкахъ, въ отпускѣ рабовъ на волю и т. под. Лишь въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія можно признать въ нѣкоторыхъ поступкахъ римлянъ выраженіе участія и состраданія къ людямъ, подвергавшимся какому-либо тяжкому несчастію, или къ нищимъ, въ отношеніи къ которымъ среди римлянъ господствовало презрительное отношеніе. Со временъ имперіи въ развитіи римской благотворительности замѣчается уже новое направленіе, благодаря главнымъ образомъ „появленію и обширному распространенію философскихъ системъ“ и въ частности стоицизма, который провозгласилъ идеи братства и равенства, и „важнѣйшій представитель“ котораго Сенека далъ „точное и правильное опредѣленіе понятія истиннаго благодѣянія (стр. 59)“, хотя, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія автора, Сенека и другимъ стоякамъ было чуждо понятіе объ истинной благотворительности (стр. 63—68). Высокія гуманныя идеи стоиковъ имѣли большое вліяніе на общественную жизнь, на нравы и законодательство. Вліяніе ихъ отразилось также на благотворительности, которая теперь принимаетъ болѣе широкіе размѣры и считается уже не просто гражданскимъ и государственнымъ долгомъ, а добродѣтелью, болѣе всего подходящею къ человѣческой природѣ. Такъ, во времена имперіи раздача хлѣба народу „становится своего рода попеченіемъ о бѣдныхъ“, возникаютъ и получаютъ широкое развитіе элементарныя учрежденія, имѣвшія цѣлью воспитаніе дѣтей, основывающіяся многочисленныя ассоціаціи или коллегіи, въ задачи которыхъ входило въ извѣстной степени взаимное вспомошествованіе; улучшается положеніе рабовъ, получаетъ болѣе широкое развитіе оказываніе помощи пострадавшимъ отъ какихъ либо бѣдъстій и т. под. Тѣмъ не менѣе идея истинной благотворительности и въ этотъ періодъ не

могла получить правильнаго примѣненія и осуществленія уже потому, что міросозерцаніе языческаго древне-римскаго міра было исключительно земнымъ, и эгоизмъ, сухой, черствый практицизмъ налагалъ свой отпечатокъ на римскую благотворительность. Полный переворотъ въ дѣлѣ благотворительности произвело и возвело ее на небывалую дотолѣ высоту христіанство, положивъ въ основу благотворительности любовь къ Богу и ближнимъ, вмѣсто которой римляне поставляли добродѣтель справедливости. Въ первые три вѣка христіанская благотворительность имѣла общинный характеръ и выражалась въ помощи бѣднымъ, въ попеченіи о вдовахъ и сиротахъ, въ облегченіи участи рабовъ, уаниковъ, плѣнныхъ и т. под. Средствами для нея служили приношенія или обліціи членовъ общины, добровольные сборы, общинныя кассы и т. под. Были установлены даже особыя лица, именно діаконы и діаконисы, которые, подъ наблюденіемъ епископа или пресвитера, завѣдывали дѣлами благотворенія. Но въ особенности широкое развитіе получила христіанская благотворительность послѣ Константина Великаго, когда, вслѣдствіе тяжкихъ внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ государства, царилъ среди населенія „почти поголовная (?) бѣдность и нищета самаго ужаснаго свойства (стр. 223)^а. Въ это время благотворительность утрачиваетъ общинный характеръ и одновременно съ централизаціей церковнаго управленія централизуется въ епархіяхъ или діоцезахъ и находится подъ наблюденіемъ епископовъ. Для помощи нуждающимся теперь не только служатъ самая широкая частная благотворительность, но также употребляются церковныя имущества и основывается рядъ совершенно чуждыхъ языческому древне-римскому міру благотворительныхъ учрежденій: страннопримныхъ домовъ, больницъ, домовъ для бѣдныхъ и т. под.

Какъ видно изъ изложеннаго нами содержанія труда г. Засадакевича, авторъ имѣетъ въ общемъ правильное представленіе о предметѣ и обнаруживаетъ довольно обстоятельное знакомство съ нимъ. Тѣмъ не менѣе рассматриваемое сочиненіе

не лишено многихъ недостатковъ, которые въ особенности замѣтны въ первой части. Самъ авторъ говоритъ, что „главнѣйшія свѣдѣнія, необходимыя для разработки вопроса о состояніи древне-римской благотворительности, заключаются главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Поэтому (?), за незнакомствомъ иностранныхъ языковъ, автору приходилось руководствоваться тѣми свѣдѣніями по данному вопросу, какія помѣщаются въ нашей русской и переводной литературѣ. Въ силу этого обстоятельства полное и всестороннее изслѣдованіе вопроса о древне-римской благотворительности немислимо. Поэтому естественно предполагать, что въ предлагаемомъ трудѣ можетъ оказаться много обширныхъ пробѣловъ и крупныхъ недостатковъ (стр. 2—3)“. Но главныя свѣдѣнія о древне-римской благотворительности заключаются не въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ, а въ памятникахъ римской письменности и литературы и наиболѣе крупныя пробѣлы и недостатки рассматриваемаго сочиненія объясняются именно тѣмъ, что авторъ совершенно почти оставилъ безъ вниманія эти памятники, довольствуясь тѣми скудными извлеченіями изъ нихъ, которыя онъ нашелъ въ имѣвшихся у него подъ руками немногихъ пособіяхъ на рускомъ языкѣ, и въ частности у Ульгорна (Христіанская благотворительность въ древней церкви, СПб. 1899) и Буассье (Римская религія отъ Августа до Антониновъ, М. 1878). Онъ не познакомился даже съ трактатомъ Цицерона *De officiis*, въ которомъ заключаются весьма интересныя сужденія о благотворительности. Если бы авторъ отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ источникамъ, то онъ могъ бы составить болѣе полное и болѣе ясное представленіе о древне-римской благотворительности, узнать о связи нѣкоторыхъ видовъ ея съ религіею и культомъ и замѣтить неосновательность и тенденціозность нѣкоторыхъ выводовъ Ульгорна изъ цитатъ римскихъ писателей, какъ напр. изъ одного выраженія Плавта (стр. 50—51). Встрѣчаются у автора и такого рода ошибочныя сужденія, которыхъ онъ легко могъ бы избѣжать при болѣе внимательномъ отношеніи

къ имѣвшимся въ его распоряженіи русскимъ пособіямъ. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что философскія системы появились на сцену только въ періодъ имперіи (стр. 71), что у римлянъ „участіе матери въ дѣлѣ воспитанія ограничивалось лишь физическими (?) заботами въ первые годы жизни дитяти (стр. 15)“ и что „духовныя должности въ Римѣ были не отдѣлимы отъ государственныхъ, такъ что должность жрецовъ обыкновенно совмѣщалась съ должностію претора или консула (ibid.)“, полагая, повидимому, что жрецами въ Римѣ обыкновенно были лишь консулы и преторы.

Болѣе удовлетворительно обработана авторомъ вторая часть, что объясняется тѣмъ, что по вопросу о христіанской благотворительности авторъ пользовался такимъ прекраснымъ пособіемъ, какъ трудъ Ульгорна. Главный недостатокъ этой части состоитъ въ томъ, что авторъ рассматриваетъ христіанскую благотворительность большею частью безъ отношенія ея къ древне-римской, не выясняя связи между тѣми или другими видами древне-римской и христіанской благотворительности. Говоря о нѣкоторыхъ видахъ христіанской благотворительности, какъ напр., о правѣ убѣжища (268 стр.) и о ходатайствѣ епископовъ за невинно осужденныхъ (стр. 269—272), онъ даже не упоминаетъ о томъ, что подобнаго рода явленія были свойственны языческому греко-римскому міру.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что авторъ обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи мысль не глубокую, довольно шаткую и не отличающуюся строгою логическою послѣдовательностію. Встрѣчаются въ сочиненіи повторенія, излишнія подробности (напр. о римскихъ коллегіяхъ) и даже противорѣчія. Такъ, напр., на стр. 131—132 авторъ утверждаетъ, что „міросозерцаніе языческаго древне-римскаго міра было исключительно земнымъ, ... будущее загробное бытіе, вѣчность и предназначеніе человѣка для вѣчности—все это не занимало, да и не было доступно для пониманія античному человѣку“; но на стр. 104 онъ говоритъ, что „похороны въ древности были предметомъ еще даль-

шихъ заботъ, чѣмъ въ настоящее время“, потому что, „блаженство въ будущей жизни, по мнѣнію древнихъ классическихъ народовъ, весьма много зависѣло отъ приличнаго погребенія, совершеннаго по всѣмъ обрядамъ религіи“. Къ слабымъ сторонамъ сочиненія слѣдуетъ отнести также недостаточное знакомство автора съ литературой предмета и недостатокъ критическаго отношенія къ пособиямъ. Языкъ сочиненія хотя легкій, но по мѣстамъ не совсѣмъ точный и чистый. Сочиненіе читается съ интересомъ и представляетъ въ общемъ довольно удовлетворительную обработку темы, вслѣдствіе чего оно можетъ быть признано, по моему мнѣнію, достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

11) О сочиненіи студента Θεодосія *Иванова* на тему:
„Русская церковь въ эпоху смутнаго времени“.

а) И. д. доцента О. Мищенко:

„Трудъ Θ. Иванова нѣсколько уже предложенной ему темы, онъ имѣетъ въ виду русскую церковь въ эпоху смутнаго времени не по всѣмъ сторонамъ ея жизни, но лишь въ отношеніи ея къ смутѣ. Указываемъ это не въ упрекъ автору, а только для того, чтобы точнѣе опредѣлить предметъ изслѣдованія.“

„Фактическая сторона предмета, говоритъ Ивановъ, детально разработана нашими историками, такъ что сказать что либо новое въ этомъ отношеніи трудно. Точка же зрѣнія, освѣщающая предметъ, можетъ быть различной“ (стр. III). Такимъ образомъ, изслѣдованіе Иванова является по преимуществу работой идейнаго характера. Основная идея, какую приводить онъ въ своемъ изслѣдованіи, это мысль о томъ, что русская церковь въ эпоху смуты спасла государство; частнѣе, въ первой половинѣ изслѣдованія онъ доказываетъ, что въ царствованія Годунова, Самозванца и Шуйскаго русскіе іерархи всегда стояли на сторонѣ порядка и законности, поддерживая своимъ

Протоколы.

вліяніємъ государственный строй; во второй половинѣ доказы-
ваетъ, что въ эпоху междоусарствія, въ эпоху общей розни и
шатанія, когда не было объединяющаго государственнаго цен-
тра, одна церковь явилась связующимъ началомъ, объединив-
шимъ народъ въ сознаніи своего единства по вѣрѣ и подвигнув-
шимъ его выступить подъ знаменемъ вѣры на борьбу съ внѣш-
ними врагами, чѣмъ спасена была русская государственная и
русская національная самобытность. Эту прекрасную идею
авторъ, на мой взглядъ, не всегда удачно формулируетъ: во
второй части сочиненія онъ положительно надоедаетъ читателю
фразой, повторяемой чуть не на каждой страницѣ: „народъ
созналъ себя церковію, какъ единымъ цѣлымъ организмъ по
вѣрѣ и любви“ (см. напр. стр. 390, 391 и мн. др.). Во пер-
выхъ, не къ чему такъ усиленно повторять одну и ту же,
хотя и основную, мысль, во вторыхъ, отъ сознанія единства по
вѣрѣ до мысли о церкви, какъ общественномъ организмѣ, еще
далеко; нѣтъ яснаго выраженія этой мысли и въ приводимыхъ
авторомъ памятникахъ, сколько онъ ни придирается къ нимъ,
пѣпляясь чуть не за отдѣльные слова и выраженія. Можно и
еще указать нѣкоторую искусственность преувеличенія, неточно-
сти въ освѣщеніи отдѣльных частей.

Но взятое въ цѣломъ сочиненіе Иванова является выдаю-
щейся по своимъ хорошимъ качествамъ студенческой работой.
Планъ сочиненія простъ и строенъ: распадаясь на двѣ, раздѣ-
ляемые и событиями и отгѣнкомъ идеи, половины, онъ въ трехъ
главахъ первой части обнимаетъ царствованія Годунова, лже-
Димитрія и Шуйскаго, въ столькихъ же главахъ второй части
время кандидатуры на Московскій престолъ Владислава, затѣмъ
движеніе Ляпунова и наконецъ Минина и Пожарскаго, закан-
чиваясь избраніемъ Михаила Феодоровича. Приемы изслѣдованія—
строгие научные. По всякому вопросу авторъ обыкновенно изла-
гаетъ данныя первоисточниковъ, потомъ приводитъ мнѣнія исто-
риковъ и наконецъ даетъ собственное заключеніе. Пользованіе
источниками и трудами предшественниковъ весьма умѣлое, сочи-

неніе не загромождається чужими словами і надлишковими цитатами. Стиль хороший“.

б) Экстраординарного профессора В. Завитневича:

„Исключительно важное значение эпохи смутного времени в нашей истории вполне оценено научно-исторической литературой: этой эпохе отводится видное место в исторических системах, ей посвящен ряд ценных ученых монографий, обнимающих или всю эпоху, или ставящих предметом исследования деятельность отдельных лиц и связанных с ними событий. Не мало положено труда на издание и изучение исторических материалов, относящихся к истории этого времени. Оценено по достоинству, в частности, и значение религиозного элемента как фактора, игравшего такую видную роль в ходе событий данного времени. Но в нашей исторической литературе оставался один существенно важный пробел, именно: до последнего времени у нас не появлялось труда, который поставил бы предметом исследования значение в смутное время церкви как таковой, т. е. как духовного организма, проникнутого своим особым жизненным началом. А между тем глубокая религиозность русского народа сослужила службу государству в эпоху всеобщей разрухи именно этою своею стороною. В то время как под давлением расходившихся страстей устои государства рушились в самом основании своем, жизненное начало церкви оставалось крепким и нерушимым. Временно ослабленное в своем проявлении, благодаря крайне неблагоприятно сложившемуся стечению обстоятельств, церковное начало, как бы выжидая благоприятный момент, опять выступило с своею умиротворяющею и объединяющею силою, которое и возродило разрушенное государство, не находившее, как казалось, средств для спасения. Вот эта то мысль, положенная в основание настоящего труда, красною нитью проходит через все сочинение, придавая ему, при всем разнообразии его содержания, единство, стройность и последовательность. Для выполнения

такъ поставленной задачи, автору пришлось въ сжатомъ видѣ воспроизвести ходъ событій всей эпохи съ ихъ причинами и слѣдствіями, оттъняя попутно, гдѣ позволяли научныя данныя, роль церкви въ эту годину лихолѣтя. Хорошее знакомство съ первоисточниками и литературой предмета, научность приѣма, объективность въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, ровный покойный тонъ, хорошее изложеніе—все это дѣлаетъ трудъ студента Иванова образцовой кандидатской диссертацией; а при нѣкоторомъ восполненіи разсматриваемая работа можетъ стать хорошей магистерской диссертацией“.

12) О сочиненіи студента Петра *Іосифова* на тему: „Жизнь Исихора Пелусіота“.

а) Доцента Н. Мухина:

„О жизни преподобнаго Исихора Пелусіота сохранилось немного свѣдѣній у церковныхъ писателей. Авторъ тщательно собралъ эти данныя, провѣрилъ ихъ и присоединилъ къ нимъ то, что онъ могъ извлечь изъ дошедшихъ до насъ писемъ преподобнаго Исихора. Добытый матеріалъ онъ расположилъ въ трехъ главахъ. Въ I гл. онъ изложилъ свѣдѣнія о рожденіи и воспитаніи преподобнаго Исихора. Во II гл. онъ говоритъ о поступленіи пр. Исихора въ монашество и о жизни его въ монастырѣ. Въ III, самой обширной, главѣ авторъ изображаетъ состояніе церкви и общества въ періодъ жизни преп. Исихора, представляетъ дѣятельность его на пользу той и другой, даетъ краткую характеристику обличительныхъ и экзегетическихъ посланій Исихора и сообщаетъ въ заключеніе свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни и смерти его.

Недостатки представленнаго сочиненія сводятся къ слѣдующему. Авторъ по мѣстамъ обнаруживаетъ неустойчивость въ своихъ взглядахъ. Онъ раздѣляетъ мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что Никифоръ Каллистъ, сообщающій нѣкоторыя свѣдѣнія о преп. Исихорѣ—„историкъ невнимательный и легко-

вѣрный“ (стр. 12), но тѣмъ не менѣе охотно и съ довѣріемъ относится къ его показаніямъ. Если Никифоръ Каллистъ, какъ историкъ, отличается указанными качествами, то слѣдуетъ или вовсе не пользоваться имъ, или относиться къ его свидѣтельству съ большою осторожностью. Сочиненіе не чуждо повтореній. О невысокомъ нравственномъ уровнѣ современнаго Исидору монашества авторъ говоритъ въ двухъ мѣстахъ: во II (стр. 42 и слл.) и въ III (стр. 59 и слл.) главахъ. Произошло это, по всей вѣроятности, вслѣдствіе недостаточной выработанности плана изслѣдованія. Своею подвижническою жизнью въ монастырѣ, изображенію которой посвящена II гл. сочиненія, преподобный Исидоръ послужилъ въ пользу церкви и общества, о чемъ говорится въ III главѣ. Авторъ произвольно отдѣляетъ подвижническую жизнь преп. Исидора въ монастырѣ отъ дѣятельности его на пользу церкви и общества. Авторъ мѣстами (стр. 49 и друг.) допускаетъ преувеличенія и въ одномъ мѣстѣ попадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: онъ то утверждаетъ, что въ области симоніи существовала полная солидарность между еп. полудійскимъ Евсеіемъ (стр. 53) и его клиромъ (стр. 56), то допускаетъ, что клирики обманывали довѣрчиваго епископа (стр. 56).

Несмотря на указанные недостатки, сочиненіе, въ общемъ, производитъ хорошее впечатлѣніе. Авторъ добросовѣстно изучилъ литературу своего предмета, основательно познакомился съ твореніями преп. Исидора, мѣстами въ подлинникѣ, а большею частью въ русскомъ переводѣ ихъ, помѣщенномъ въ прибавленія къ изданію твореній св. отцовъ (част. XIV). Мысль автора, хотя и не глубока, но послѣдовательна въ своемъ развитіи. Языкъ сочиненія, за немногими исключеніями (стр. 35, 37, 42, 65, 148), чистый, правильный. Направленіе сочиненія доброе. Въ виду этого, рецензентъ находитъ возможнымъ признать сочиненіе г. Іосифова удовлетворительной кандидатской диссертациею“.

б) Экстраординарного профессора К. Попова:

„Можно сказать утвердительно, что въ „предисловіи къ своему сочиненію авторъ до извѣстной степени точно и вѣрно обозначилъ задачу своего труда и представилъ удовлетворительную характеристику источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи названнаго сочиненія, но слѣдуетъ признать слишкомъ уже общимъ его замѣчаніе о литературныхъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію объ Исидорѣ Пелусіотѣ и принадлежащихъ западно-европейскимъ ученымъ, которыхъ онъ называетъ латинскими, по всей вѣроятности, потому, что они писали свои сочиненія на латинскомъ языкѣ. Равно не выяснено въ предисловіи и то, что сдѣлано уже по изученію Исидора Пелусіота и что подлежало автору сдѣлать. Впрочемъ этотъ недостатокъ въ надлежащей мѣрѣ восполненъ авторомъ въ самомъ изслѣдованіи, состоящемъ изъ трехъ главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ, трактующихъ о рожденіи, воспитаніи, образованіи Исидора (стр. 1—31) и его жизни въ монастырѣ (стр. 31—47), авторъ точно обозначаетъ источники и пособія, а принятіе или непринятіе нѣкоторыхъ древнихъ извѣстій и мнѣній позднѣйшихъ изслѣдователей онъ всегда сопровождаетъ надлежащей аргументаціей. Самостоятельность автора проявляется особенно въ третьей главѣ, самой обширной (стр. 47—171), составленной почти исключительно по письмамъ Исидора Пелусіота и изображающей отношеніе этого древняго писателя къ церковно-общественнымъ интересамъ. Это—очень интересная глава. Авторъ старательно изучалъ предметъ своего сочиненія, высказываетъ о немъ здравыя сужденія, онъ изложилъ содержаніе своего сочиненія хорошимъ языкомъ; но нѣкоторыя части его сочиненія не совсѣмъ внимательно проредактированы. Вообще же сочиненіе П. Іосифова должно считать удовлетворительною кандидатскою диссертацией“.

13) О сочиненіи студента Антона *Кактыня* на тему: „Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католициствѣ и протестанствѣ“.

а) И. д. доцента В. Экземплярскаго:

„Г. Кактынь почти совершенно освобождает рецензента его сочиненія отъ указанія недостатковъ послѣдняго. Эта не-пріятная обязанность вполне успѣшно выполнена самимъ авторомъ въ предисловіи къ сочиненію, гдѣ авторъ съ полною откровенностію отмѣчаетъ слабыя стороны своего труда. „У меня—пишетъ онъ—главная трудность заключается въ недостаткѣ матеріала для первой части сочиненія, для характеристики системы пастырскаго приготовленія въ католичествѣ. У меня не было готового матеріала, который бы я могъ изучать, обдумывать и комбинировать уже съ начала учебнаго года; мнѣ приходилось собирать этотъ матеріалъ, такъ что размѣры и планъ моей работы измѣнялись съ каждымъ вновь узнаваемымъ свѣдѣніемъ. Поэтому естественно, что въ моемъ трудѣ будутъ встрѣчаться пробѣлы, недочеты и бѣлыя страницы“. „Относительно второй части темы—протестантства--я былъ въ болѣе счастливомъ положеніи; въ пособіяхъ къ ней былъ данъ почти весь необходимый матеріалъ“. Но и относительно этой части своего сочиненія авторъ замѣчаетъ, что у него не хватило времени для ея надлежащей обработки.

Не смотря однако на справедливость, до нѣкоторой мѣры, сдѣланныхъ авторомъ признаній и на то также, что нѣкоторыя изъ руководящихъ пособій въ изложеніи имъ системы пастырскаго приготовленія въ католичествѣ устарѣли (каковы статья Кустодіева въ Христіанскомъ Чтеніи за 1864 г. и статья неизвѣстнаго автора въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей 1866 г.), его сочиненіе имѣетъ значительныя достоинства, отмѣтитъ которыя составляетъ пріятный долгъ рецензента. Сочиненіе г. Кактыня читается легко и съ живымъ интересомъ. Безукоризненное съ вѣшной стороны, оно и по своему содержанію представляетъ достаточно полный очеркъ системы пастырскаго воспитанія въ католичествѣ и протестанствѣ. Авторъ основательно познакомился съ тою литературой по этому вопросу, какая могла

находиться въ его распоряженіи, и если онъ нѣсколько преувеличенно жалуется на недостатокъ матеріала, то быть можетъ это въ значительнѣй степени объясняется его хорошимъ знаніемъ нѣмецкаго языка, на которомъ преимущественно написаны необходимыя автору пособія и прочитатыя бы было бы не легко другому; не мало труда отдано г. Кактынемъ и тому, чтобы провѣрить книжныя свѣдѣнія и восполнить недостающее въ нихъ путемъ личныхъ бесѣдъ со свѣдующими въ данной области лицами. Вообще сочиненіе г. Кактыня производитъ впечатлѣніе вполне серіознаго и основательнаго труда; нѣкоторые его недочеты нисколько не мѣшаютъ общему пріятному впечатлѣнію отъ сочиненія и даже не могутъ быть поставлены въ вину автору, не имѣвшему иногда возможности тщательно провѣрить и дополнить добытыя имъ свѣдѣнія. Нельзя также не отмѣтить одной чрезвычайно симпатичной черты въ сочиненіи г. Кактыня — полной объективности при изложеніи имъ различныхъ данныхъ, относящихся къ системѣ воспитанія кандидатовъ пастырства, благодаря которой авторъ всюду избѣгаетъ какихъ бы то ни было произвольныхъ выводовъ и предположеній.

Въ виду такого серіознаго отношенія къ дѣлу, очень жаль, что авторъ не имѣлъ, по его личному признанію въ предисловіи, ни времени ни силъ, чтобы „сказать объ отношеніи нашей православной системы пастырскаго приготовленія къ католической и протестантской“. Здѣсь могла бы найти законное примѣненіе и субъективная оцѣнка авторомъ изложенныхъ имъ системъ приготовленія къ пастырскому служенію на иновѣрномъ Западѣ. Но и въ настоящемъ видѣ сочиненіе г. Кактыня, по моему мнѣнію, должно быть признано хорошею кандидатскою диссертацией“.

б) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Авторъ начинается съ „Предисловія“, въ которомъ предупреждаетъ читателя объ особыхъ трудностяхъ, возникавшихъ

въ его работѣ, вслѣдствіе недостатка матеріала для рѣшенія первой части вопроса. Онъ сѣтуетъ, что у него не было *готового* матеріала, который онъ могъ бы изучать, обдумывать и комбинировать уже съ начала учебного года“,... что ему „приходилось *собирать* этотъ матеріалъ и потомъ „сшивать систему изъ лоскутковъ, какіе удалось понабирать, и потому естественно, что въ его трудѣ будутъ встрѣчаться пробѣлы, недочеты и бѣлыя стежки“ (стр. 5). Неизвѣстно, въ какихъ цѣляхъ авторъ напередъ такъ разочаровываетъ читателя въ результатахъ своего труда. Не говоря уже о томъ, что значительная доля вины въ этихъ сѣтованіяхъ должна быть отнесена на счетъ наивныхъ предположеній автора-новичка въ большой литературной работѣ, будто въ каждомъ вопросѣ матеріалъ для изслѣдованія непременно долженъ явиться уже въ готовомъ видѣ, помимо этого, какъ показываетъ и само сочиненіе, авторъ находился не въ такомъ ужъ печальномъ положеніи. Вотъ въ двухъ словахъ содержаніе сочиненія.

Послѣ „Введенія“,—уясняющаго положеніе пастыря и его служенія въ католичествѣ и протестантствѣ и уже отсюда категорическаго опредѣляющаго и соответствующія особенности въ католическомъ и протестантскомъ приготовленіи къ пастырству, — авторъ даетъ двѣ части изслѣдованія. Первая посвящается католичеству, вторая протестантству. Въ обѣихъ по три главы. Краткая исторія пастырскаго приготовленія въ католичествѣ до современнаго положенія этого дѣла (гл. 1), воспитаніе (гл. 2) и обученіе (гл. 3) въ католическихъ семинаріяхъ составляютъ первую часть. Воспитательная сторона въ протестантской системѣ пастырскаго приготовленія (гл. 1), учебная сторона въ ней (гл. 2) и пути приготовленія пракческаго (гл. 3) входятъ въ содержаніе второй части. Каждый изъ этихъ вопросовъ рѣшается съ большею или меньшею обстоятельностью, но вездѣ въ категорически опредѣленномъ смыслѣ. Никакихъ недосказовъ или хотя бы колебаній нигдѣ мы не встрѣчаемъ. Напротивъ, авторъ высказываетъ свои положенія (иногда и спорныя) вездѣ

съ такою увѣренностью, что очевидно считаетъ себя вполне освѣдомленнымъ въ трактуемыхъ вопросахъ. Въ частности, та самая первая часть сочиненія, относительно которой онъ жалуется въ „Предисловіи“, что для нея у него нѣтъ матеріала, оказывается, занимаетъ гораздо больше даже мѣста (стр. 30 — 181), нежели вторая (стр. 184 — 274), для которой, по его собственнымъ словамъ, „въ пособіяхъ былъ данъ почти весь нужный матеріалъ“.

Въ общемъ сочиненіе даетъ цѣльное совершенно определенное рѣшеніе своего вопроса. Авторъ рельефно подчеркиваетъ въ католической системѣ пастырскаго приготовленія преобладаніе спеціальнаго элемента аскетически - воспитательнаго, а въ протестантской — полное отсутствіе его, за то широкую постановку здѣсь научнаго образованія и средствъ для практической подготовки къ пастырству, которой совершенно не находитъ въ католичествѣ. Въ оцѣнкѣ обѣихъ системъ ему удастся удержаться на совершенно объективной почвѣ — посредствомъ признанія полного соответствія каждой изъ нихъ основнымъ началамъ своей церкви, полной логичности и послѣдовательности ихъ въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію авторъ при этомъ совершенно отстраняетъ отъ себя естественно возникающій здѣсь вопросъ о сравненіи съ католическою и протестантскою нашей системы приготовленія къ пастырству.

И планъ сочиненія, и частнѣйшее развитіе и выполненіе его, и правильный точный языкъ — говорятъ вполне въ пользу автора — о его умѣни такъ хорошо „сшивать“ цѣльную систему даже изъ „доскутковъ“, что никакихъ „бѣлыхъ стежковъ“ въ ней незамѣтно (или по крайней мѣрѣ — почти не замѣтно). Авторъ съ успѣхомъ выполнилъ свою задачу: насколько позволялъ матеріалъ, — собранный, дѣйствительно съ большимъ стараніемъ, изъ источниковъ не только печатныхъ, но и устныхъ, — онъ далъ довольно обстоятельный отвѣтъ на свой вопросъ. Поэтому, не смотря на все стремленіе скромнаго начинающаго автора — находить въ своемъ первомъ трудѣ многіе недочеты, я

нахожу справедливымъ признать работу его очень хорошею, а для своей цѣли, какъ диссертацию кандидатскую, вполне достаточно“.

14) О сочиненіи студента Платона *Лебедева* на тему: „Проповѣди протоіерея Іоанна Леванды“.

а) Доцента Н. Мухина:

„На вопросъ, поставленный темою, авторъ даетъ вполне удовлетворительный отвѣтъ. Предметъ сочиненія обследованъ съ достаточной полнотою и обстоятельностью. Авторъ отличается вдумчивостію. Онъ основательно изучаетъ проповѣди протоіерея Леванды, умѣло проанализировалъ ихъ. Мысль автора обладаетъ значительной силой, ясностью и послѣдовательностью въ своемъ развитіи. Языкъ сочиненія чистый, правильный, вполне литературный. Авторъ съ любовью отдался своему труду, и его сочиненіе читается съ неослабвающимъ интересомъ. Нельзя не пожалѣть только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ безъ нужды загромождаетъ сочиненіе длинными выдержками изъ проповѣдей протоіерея Леванды и тѣмъ утомляетъ вниманіе читателя. Нельзя не отмѣтить также, что вторая половина третьей главы механически соединена съ предыдущимъ. Въ первой половинѣ этой главы авторъ анализируетъ нравоучительныя слова протоіерея Леванды со стороны ихъ содержанія, а во второй половинѣ характеризуетъ рѣчи проповѣдника болѣе вышнимъ образомъ, — съ точки зрѣнія явленій и случаевъ, которые вызвали эти рѣчи (стр. 116, 126). Встрѣчается также въ одномъ мѣстѣ невѣрное обобщеніе. Въ числѣ рѣчей протоіерея Леванды къ кievскимъ митрополитамъ авторъ относитъ слова на Новый Годъ, Рождество, Пасху (стр. 126). Хотя эти слова и заключаютъ въ себѣ обращенія къ кievскимъ архипастырямъ, но они предназначаются главнымъ образомъ паствѣ. Читатель остается также неудовлетвореннымъ слишкомъ лаконичнымъ рѣшеніемъ авторомъ вопроса о томъ, какое мѣсто нужно отвести

прот. Левандѣ среди нашихъ церковныхъ ораторовъ. Но всё эти промахи касаются болѣе частныхъ дѣла и исполнѣяются указанными выше достоинствами сочиненія, по которымъ его нужно отнести къ разряду очень хорошихъ кандидатскихъ диссертаций“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвnickаго:

„Сочиненіе состоитъ изъ краткаго предисловія и четырехъ главъ.

Въ предисловіи указана задача сочиненія и перечислены тѣ печатныя статьи и сочиненія, въ которыхъ трактуется о жизни и проповѣднической дѣятельности протоіерея Леванды.

Содержаніе первой главы составляютъ біографическія свѣдѣнія о протоіерѣ Іоаннѣ Левандѣ, характеристика его личности и обзоръ его гомилетическихъ произведеній, при чемъ указаны и изданія ихъ. По отчетливости и безупречной чистотѣ изложенія эта глава составляетъ лучшую часть сочиненія.

Во второй главѣ говорится сначала объ отношеніи проповѣди Леванды къ своему времени, потомъ опредѣляется господствующее направленіе, въ нихъ проводимое. Приступая къ характеристикѣ проповѣдей Леванды, авторъ прежде всего показываетъ не то, что есть въ нихъ, а то, чего нѣтъ въ нихъ. Указавши на увлеченіе современнаго Левандѣ образованнаго русскаго общества модными идеями французской философіи, авторъ выставляетъ на видъ съ замѣтнымъ осужденіемъ проповѣдника, что эти идеи мало интересуютъ его, и что онъ не разбираетъ и не опровергаетъ ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Но нужно ли было Левандѣ бороться съ невѣріемъ, когда его слушатели,—простые граждане города Кіева,—не страдали болѣзнію безвѣрія, заражавшаго наше высшее общество? Далѣе, говоря о проповѣдяхъ Леванды, произносимыхъ въ высокаторжественные дни въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I, авторъ опять ставитъ въ вину своему проповѣднику,

что онъ мало касается ихъ дѣлъ и говорить о нихъ только въ общихъ чертахъ. Но задача церковной катедры не въ томъ состоитъ, чтобы изображать дѣянія живыхъ людей и соплетать вѣянцы хвалы имъ, а въ томъ, чтобы давать назиданіе людямъ, стоящимъ предъ церковною катедрою. — Господствующее направление проповѣди протоіерея Леванды, по справедливому указанію автора, — нравственно практическая и главная задача, какую онъ преслѣдуетъ въ своихъ проповѣдяхъ, — содѣйствовать нравственному усовершенствованію своихъ слушателей. Но опредѣляя такъ направление проповѣди Леванды, авторъ не могъ опустить изъ вниманія и того, что онъ во многихъ проповѣдяхъ касается догматическаго ученія, и говорить о предметахъ теоретическаго богословствованія и представляетъ нѣсколько примѣровъ такого богословствованія.

Глава третья посвящена изображенію содержанія нравоучительныхъ проповѣдей Леванды. Нравоученіе Леванды изложено довольно подробно, большею частію словами самаго проповѣдника. Но при всей подробности изложенія характеристика проповѣдничества Леванды выходитъ довольно блѣдна — мало указано чертъ, принадлежащихъ собственно Левандѣ и отличающихъ его отъ другихъ проповѣдниковъ. Мы впрочемъ не ставимъ этого въ вину автору: недостатокъ, нами указанный, условливался самымъ характеромъ проповѣдей Леванды, „мысль котораго (по словамъ автора) придерживается общей системы христіанскаго нравоученія и всегла стоитъ на почвѣ общехристіанскихъ нравственныхъ требованій“.

Въ этой же главѣ авторъ говоритъ о содержаніи рѣчей Леванды, обращенныхъ къ киевскимъ митрополитамъ, особамъ царскаго дома и сказанныхъ по разнымъ случаямъ. Но эти рѣчи составляютъ особую группу ораторскихъ произведеній Леванды, авторъ совершенно напрасно включилъ разборъ ихъ въ главу о нравственныхъ проповѣдяхъ Леванды.

Четвертая глава изображаетъ вѣншній характеръ проповѣдей Леванды и прежде всего общій строй ихъ, затѣмъ источ-

ники, которыми онъ пользовался (главнымъ источникомъ для него служило священное писаніе), далѣе указывая проповѣдническую методу изложенія, онъ выставляетъ на видъ то, что Леванда не столько опирается на силу логической мысли, сколько на чувство и воображеніе, и слушателей убѣждаетъ не столько разсудочными доводами, сколько яркими образами и картинами. Разъясняя эту мысль, авторъ указываетъ любимыя приемы, какими пользовался Леванда при изложеніи своихъ мыслей въ проповѣдяхъ, и при этомъ дѣлаетъ обильныя выдержки изъ разбираемыхъ имъ проповѣдей. Въ концѣ главы есть замѣчанія о языкѣ проповѣдей Леванды и сообщены свидѣтельства о его произношеніи, которое отличалось особою впечатлительностью и придавало вѣсъ и значеніе каждому слову.

Предметъ разсмотрѣнъ довольно полно и обстоятельно, мысль автора ясная и отчетливая, и изложеніе чистое. Для степени кандидата сочиненіе очень удовлетворительное*.

15) О сочиненіи студента Θεодора *Левицкаго* на тему: „Преобразованія русскихъ духовныхъ школъ въ XIX в. Церковно-историческій очеркъ“.

а) Доцента, священника Θ. Титова:

Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ главахъ.

Во введеніи (стр. 1—67) содержится краткая характеристика состоянія русскихъ духовныхъ школъ въ XVIII в.

Въ первой главѣ (стр. 69—189) излагаются свѣдѣнія о реформахъ духовно-учебныхъ заведеній по уставу 180⁸₁₄ г.г. въ царствованіе Императора Александра I.

Во второй главѣ (стр. 191—275) авторъ ведетъ рѣчь о реформахъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, имѣвшей мѣсто въ отношеніи семинарій въ 1840 г.г., а въ отношеніи другихъ училищъ въ 1851 г., при чемъ здѣсь же излагаются краткія свѣдѣнія о гр. Протасовѣ, оберъ-прокурорѣ Св. Синода, кото-

рый был инициаторомъ и главнымъ дѣятелемъ преобразованія русскихъ духовныхъ школъ въ 40 и 50 годахъ XIX в.

Въ третьей главѣ (стр. 277—291) авторъ весьма кратко (конспективно) излагаетъ общія свѣдѣнія о двухъ позднѣйшихъ реформахъ духовно-учебныхъ заведеній, имѣвшихъ мѣсто въ 1867/9 и 1884/5 г.г.

Планъ изложенія исторіи преобразованій духовныхъ школъ въ XIX в. у автора принятъ такой. Сначала онъ сообщаетъ о подготовительныхъ работахъ къ реформѣ и о самомъ введеніи этой послѣдней, затѣмъ подробно изображаетъ состояніе административной, учебной, нравственно-воспитательной и экономической частей нашихъ духовныхъ школъ въ то или другое время, и, наконецъ, даетъ общую характеристику той или другой реформы, отмѣчая существенные достоинства и недостатки ея.

Сочиненіе обнаруживаетъ большую начитанность автора въ литературѣ предмета и вообще усердное отношеніе къ дѣлу. Изложеніе сочиненія—правильное, мысль—здравая, тонъ—спокойный. Отношеніе автора къ предмету изслѣдованія и пособіямъ—серьезное и спокойно критическое.

На основаніи сказаннаго сочиненіе студента Левицкаго можетъ быть признано очень хорошею кандидатскою диссертациею“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Сочиненіе Теодора Левицкаго, несмотря на довольно большой объемъ (291 страница), дѣйствительно представляетъ изъ себя только очеркъ, и даже краткій, въ концѣ переходящій въ конспектъ, по свойству работы—компилятивнаго характера, рассчитанный на соединеніе воедино научнаго матеріала, собраннаго и обработаннаго по частямъ другими, но какъ таковой оно обладаетъ большими достоинствами и обнаруживаетъ въ г. Левицкомъ значительный авторскій талантъ. Прежде всего г. Левицкій обнаружилъ большое искусство въ выборѣ мате-

ріада: все въ сочиненіи идетъ къ дѣлу, лишняго —ничего; насчетъ подробностей г. Левицкій скорѣе чрезмѣрно скупъ, отсылая желающаго познакомиться съ ними къ тѣмъ или другимъ печатнымъ трудамъ, чѣмъ расточителенъ; напрасныхъ повтореній почти нѣтъ. Мысль въ сочиненіи здравая. Планъ его естественный, соответствующій природѣ предмета сочиненія. Развитие мыслей—логическое. Языкъ правильный и ясный. Искомой ученой степени Ѳеодоръ Левицкій вполне заслуживаетъ“.

16) О сочиненіи студента Григорія *Лобачевскаго* на тему: „Критическій обзоръ существующихъ въ литературѣ мнѣній о происхожденіи, значенія и сущности раскола въ русской церкви“.

а) И. д. доцента Ѳ. Мищенко:

„Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что предметомъ его сочиненія будетъ служить литература, начиная съ 60-хъ годовъ, такъ какъ до этого времени изслѣдованія о расколѣ не носили научнаго характера. Во введеніи онъ разграничиваетъ данныя въ темѣ понятія—происхожденія, сущности и значенія, поясняя, что въ рубрикѣ о происхожденіи онъ будетъ говорить о причинахъ раскола, въ рубрикѣ о сущности—объ отличительныхъ чертахъ и въ рубрикѣ о значеніи—о слѣдствіяхъ его. Въ первой главѣ рѣчь ведется о причинахъ и сущности раскола. Мнѣнія о причинахъ раскола Лобачевскій подраздѣляетъ на три группы, относя къ первой и третьей группѣ мнѣніе ученыхъ, объясняющихъ (съ нѣкоторыми различіями) происхожденіе раскола религіозными причинами, ко второй—соціально-политическими. Кажется, здѣсь лучше было бы ограничиться всего двумя категориями, объединивъ 1-ю и 3 ю. Во II-й главѣ говорится о значеніи раскола въ отношеніяхъ религіозномъ, нравственномъ, соціальномъ, политическомъ, экономическомъ, просвѣтительномъ и художественномъ. Первая глава написана обстоятельнѣе и основательнѣе второй, вторая изложена нѣсколько поверхностно.

Въ сочиненіи обнаруживаются слѣдующія писательскія достоинства автора: хорошій стиль, умѣнье ставить вопросы просто и по существу дѣла и точная логика, принимающая, впрочемъ, иногда характеръ діалектики“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„О происхожденіи, сущности и значеніи раскола въ русской церкви, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, писано было много, особенно съ конца 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда на изученіе раскола обращено было серьезное вниманіе изслѣдователей. Но мнѣнія послѣднихъ по даннымъ вопросамъ весьма разнорѣчивы. Задача автора состояла въ томъ, чтобы ознакомиться со всѣми этими мнѣніями, критически проверить ихъ и высказать свои собственныя сужденія, основанныя на изученіи историческихъ данныхъ о расколѣ, извѣстныхъ въ наукѣ. Авторъ приложилъ много старанія для выполненія означенной задачи и въ общемъ выполнилъ ее успѣшно, хотя можно указать и нѣкоторые дефекты въ его трудѣ. Такъ, ему остается неизвѣстнымъ сужденіе о причинахъ распространенія раскола преосв. Платона (митрополита московскаго), высказанное имъ въ его *Краткой церковной російской исторіи*, изд. въ 1805 г. (II, 235). Сужденіе это могло бы послужить автору ключемъ для уясненія вопроса (для него имѣющаго существенную важность), какъ при началѣ раскола смотрѣли на обрядовыя разности сами православные—ревнители книжнаго исправленія—и не переступили ли они въ сужденіяхъ о нихъ черты благоразумія.—Далѣе. Авторъ, критически относясь къ существующимъ мнѣніямъ по изслѣдуемымъ имъ вопросамъ, обнаруживаетъ не мало самостоятельности. Но критика его не всегда имѣетъ прочныя основанія. Такъ, разбирая извѣстное сочиненіе г. Щапова: *Земство и расколъ*, авторъ, вопреки прочно установившемуся въ литературѣ мнѣнію, старается показать, что г. Щаповъ не смотритъ на происхожденіе раскола, какъ на оппозицію податного земства, массы народной, противъ

всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго,—но доказательства его представляются крайне натянутыми.

Сочиненіе написано, за рѣдкими развѣ исключеніями, слогомъ хорошимъ. Для степени кандидата оно удовлетворительно“.

17) О сочиненіи студента Василія *Малинина* на тему: „Уголовное право Моисеева законодательства; его происхождение, составъ и общій характеръ“.

а) Доцента, священника А. Глаголева:

„По самой формулировкѣ темы даннаго библейско археологическаго изслѣдованія въ немъ должны были найти примѣненіе историческій, юридическій и философскій методы изслѣдованія Моисеева уголовного права. При этомъ, по самому существу дѣла, преобладающее раскрытіе и большой объемъ въ работѣ долженъ былъ получить элементъ юридическій: вопросъ о составѣ или содержаніи Моисеева уголовного права составляетъ основное зерно подлежащей изслѣдованію матеріи изъ библейско-археологической области; историческая же проблема—о происхожденіи Моисеева права, и философское освѣщеніе его сущности и характера является только уже комментирующими ту основную сущность работы. Дѣйствительно, въ трудѣ нашего автора три четверти его отведены изслѣдованію и изложенію состава уголовного права Моисеева законодательства (стр. 11—334) и лишь одна четверть его (стр. 335—438) посвящена вопросамъ о происхожденіи и характерѣ этого права, включая сюда и небольшое приложеніе къ сочиненію—этюдъ о судѣ надъ Іисусомъ Христомъ. Противъ такой непропорціональности частей сочиненія студента *Малинина* можно бы и ничего не имѣть, если бы она обуславливалась только сущностію дѣла—различнымъ характеромъ вопросовъ—о составѣ права съ одной стороны, о происхожденіи и характерѣ его—съ другой стороны. Къ сожалѣнію, указанное явленіе въ значительной степени зависитъ отъ своеобразнаго писательскаго пріема нашего

автора на всемъ почти протяженіи объемистой первой части его сочиненія—о составѣ права: можно сказать, что въ большей части этой главы не авторъ нашъ обладаетъ матеріаломъ, а скорѣе послѣдній обладаетъ имъ. Трудъ д-ра Заальшюца о Моисеевомъ правѣ (Das Mosaisches Recht, 1853), трудъ, замѣчательный по полнотѣ обзорѣнія библейскихъ и талмудическихъ данныхъ о древне-еврейскомъ правѣ и по обилію сопоставленій съ этимъ правомъ изъ области другихъ древнихъ и новыхъ законодательствъ, — всецѣло, до мельчайшихъ иногда подробностей, легъ въ основу построеній автора въ первой части его работы. Самостоятельность мысли автора здѣсь не проявлялась почти нигдѣ; авторъ обычно лишь переводить по русски параграфъ за параграфомъ изъ книги Заальшюца. Довольно рабское слѣдованіе автора авторитету и образцу послѣдняго сопровождалось такими нежелательными слѣдствіями—качествами разсматриваемой части сочиненія, какъ-то: замѣтная растянутасть изложенія, виѣшніе переходы отъ одной рубрики къ другой, невразумительность и неточность перевода по мѣстамъ, невыдержанность цитации и под. Конечно, полной самостоятельности отъ автора—студента было бы несправедливо требовать, но синтезирующая способность автора во всякомъ случаѣ могла бы проявить себя больше, чѣмъ какъ произошло это въ дѣйствительности, въ наличномъ видѣ разсматриваемой части сочиненія. Впрочемъ, безотносительно къ степени самостоятельности автора, и эта часть имѣетъ свое значеніе, какъ нѣчто новое въ русской библейско-научной литературѣ.

Не вполне благопріятное впечатлѣніе, производимое на читателя сочиненія студента Малинина первую его частію, въ достаточной степени ослабляется и покрывается хорошимъ построениемъ и такимъ же изложениемъ во второй и третьей главахъ сочиненія: уясненіе авторомъ характера и особенностей уголовного Моисеева права, рѣчь его объ источникахъ или происхожденіи этого права, замѣчанія о судѣ надъ Спасителемъ читаются легко и не безъ интереса. Составлены эти части сочи-

ненія не безъ вліянія хорошихъ пособій иностранныхъ и русскаго (проф. А. П. Лопухина, Законодательство Моисея, 1882), по пользованіе ими у автора здѣсь не возбуждаетъ никакихъ критическихъ замѣчаній.

Общее наше сужденіе о сочиненіи студента Малинина таково. При отмѣченныхъ нами слабыхъ сторонахъ технического свойства, трудъ г. Малинина имѣетъ и свои положительныя достоинства и въ извѣстной степени свидѣлствуетъ о способности автора къ учено литературнымъ работамъ. Степени кандидата богословія авторъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Предметъ настоящаго сочиненія представляетъ нѣкоторыя особенности, сильно затрудняющія работу научнаго изслѣдованія, особенно же новичка въ подобныхъ изслѣдованіяхъ и дѣлающія, можно сказать, неизбежными равные дефекты въ сочиненіи послѣдняго. Во 1-хъ, онъ имѣетъ въ себѣ много неясныхъ пунктовъ, допускающихъ различныя объясненія и большое поэтому разногласіе изслѣдователей въ мнѣніяхъ. При этомъ существованіе въ наукѣ нѣсколькихъ научныхъ трудовъ, посвященныхъ данному предмету, нерѣдко не облегчаетъ новичку его дѣло, а затрудняетъ, вынуждая его въ каждомъ случаѣ разногласія ученыхъ ставить себѣ вопросъ: гдѣ же истина? Во всякомъ случаѣ болѣе легкій пріемъ работы—компилятивное наизываніе другъ къ другу въ извѣстномъ порядкѣ фактовъ и выводовъ, вычитанныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ, въ подобныхъ случаяхъ, дѣлается не примѣнимымъ. Онъ долженъ непременно дать сужденіе о мнѣніяхъ, высказанныхъ разными учеными, и изложить свое мнѣніе, рискуя при этомъ, что рецензентъ такъ же забракуетъ послѣднее, какъ онъ забраковалъ другія. Во 2-хъ, нѣтъ частей темы сочиненія по крайней мѣрѣ одна—„общій характеръ уголовного права Моисеева законодательства“—скорѣе же двѣ,—т. е. и „происхожденіе его“—требуютъ для надлежащей научной постановки изслѣдованія примѣненія къ дѣлу

сравнительно исторического метода, а не прагматизма только. Сравнительно же историческій методъ даетъ хорошіе результаты только въ рукахъ человѣка, обладающаго громаднымъ запасомъ свѣдѣній по исторіи человѣчества, широкимъ кругозоромъ исторической мысли и, такъ сказать, умѣніемъ возноситься умомъ въ высшія сферы научнаго мышленія. Но какъ требовать всего этого отъ новичка въ историческихъ изысканіяхъ? Естественно поэтому ожидать встрѣтить въ сочиненіи г. Малинина разные дефекты — дефекты въ постановкѣ изслѣдованія и во взглядахъ, имъ высказываемыхъ. Такъ, напр., самый планъ сочиненія, принятый г. Малининымъ вопреки указаніямъ темы (о происхожденіи Моисеева уголовного права онъ говоритъ послѣ всего; или о наказаніяхъ за преступленія трактуетъ прежде чѣмъ о самыхъ преступленіяхъ), довольно таки неестественный. Нельзя также одобрить съ точки зрѣнія научной методики чисто дедуктивнаго построения главы, трактующей о происхожденіи Моисеева уголовного права. И со многими мнѣніями сочиненія я не могу согласиться, хотя бы съ мнѣніемъ, высказаннымъ г. Малининымъ, вслѣдъ за Заальшущомъ, на третьей страницѣ сочиненія, будто евреи послѣ гибели ихъ политической самостоятельности не растворились въ общей массѣ человѣчества благодаря существованію у нихъ древняго ученія и законовъ самому по себѣ, безотносительно къ богооткровенному характеру ихъ, на который ни Заальшущъ, ни Малининъ не обратили вниманія. Тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Малинина является очень почтеннымъ научнымъ трудомъ, — почтеннымъ и по массѣ обработаннаго и сведеннаго въ одно цѣлое матеріала, и по полнотѣ изслѣдованія и по достаточной самостоятельности во взглядахъ, развиваемыхъ имъ притомъ съ твердостію и убѣдительностію, и по правильности и основательности ихъ въ большинствѣ случаевъ. Слогъ сочиненія вообще правильный. Дефекты въ немъ замѣчаются тамъ, гдѣ авторъ помѣщаетъ выдержки изъ нѣмецкихъ сочиненій. Какъ кандидатское сочиненіе, работа г. Малинина вполне удовлетворительна*.

18) О сочиненіи студента Леоніда *Никольскаго* на тему: „Аѳонская живопись“ (историко археологическій этюд)“.

а) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Сочиненіе свое г. Никольскій, предваривъ довольно обширнымъ предисловіемъ (стр. I—XXXIV), дѣлитъ на двѣ части, изъ коихъ первая состоитъ изъ четырехъ главъ, а вторая изъ двухъ.

Въ предисловіи авторъ даетъ весьма обстоятельный и, по моему мнѣнію, превосходный обзоръ литературы по данному вопросу на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

Въ первой главѣ, представляющей общій взглядъ на состояніе аѳонскаго искусства до XVI в., г. Никольскій обзврѣваетъ всѣ памятники церковной живописи, сохранившейся до нашихъ дней и извѣстной по литературнымъ даннымъ, и такимъ образомъ устанавливаетъ положительно тотъ несомнѣнный фактъ, что иконопись существовала на Аѳонѣ и до XVI столѣтія.

Во второй, самой интересной, главѣ онъ даетъ весьма живые очерки художественной дѣятельности выдающихся аѳонскихъ зографовъ XVI в. Панселина, Теофана критянина, Фралга Біотійца, Іосифа Марка Ивера и др., при чемъ вноситъ блестящія поправки въ ихъ біографіи особенно относительно установленія хронологическихъ датъ, въ значительной степени запутанныхъ предшественниками нашего автора.

Стѣнные росписи и иконы XVII и начала XVIII столѣтія, извѣстныя автору по описаніямъ ученыхъ путешественниковъ по Аѳону и лично по коллекціямъ нашего церковно-археологическаго музея, съ объясненіями условій характера политическаго и церковно-бытового, вліявшихъ весьма неблагоприятно въ это время на развитіе искусства на Аѳонѣ и содѣйствовавшихъ его упадку, даютъ содержаніе третьей главѣ настоящаго этюда.

Въ четвертой главѣ находимъ характеристику аѳонской иконописи со второй половины XVIII столѣтія до нашихъ дней, т. е. за время, которое, по мнѣнію автора можно признать воз-

рожденіемъ этой живописи или, какъ выражается онъ, „*вторичнымъ оживленіемъ*“.

Самою капитальною главою въ настоящемъ сочиненіи безспорно слѣдуетъ признать первую главу второй части. Въ этой главѣ г. Никольскій, послѣ указаній на причины, вызвавшія появленіе въ иконописной практикѣ, такъ называемыхъ, „ерминій“ или руководствъ для живописцевъ, съ особенною подробностію и, можно сказать, съ любовью останавливается на происхожденіи извѣстной въ наукѣ ерминіи Діонисія Фурноаграфіота, подвергая ее по всѣмъ правиламъ строгаго научнаго анализа всестороннему изученію. Глава эта дѣлаетъ безспорно честь молодому начинающему автору.

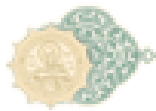
Менѣе удачна послѣдняя глава сочиненія — о лицевыхъ аеонскихъ подлинникахъ, но весьма значительная доля вины въ этомъ должна быть снята съ автора, вынужденнаго говорить объ аеонскихъ лицевыхъ рукописяхъ, прорисяхъ, переводахъ лишь со словъ другихъ, не имѣя никакой возможности видѣти хотя бы одинъ изъ этихъ любопытныхъ памятниковъ своими собственными глазами.

Вообще настоящее сочиненіе писано авторомъ съ рѣдкомъ любовію къ избранному предмету, обнаруживаетъ прекрасное знакомство съ литературою его русскою и иностранною, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ навыкѣ его автора къ серьезнымъ научнымъ работамъ и написано живымъ и, за немногими исключениями, правильнымъ литературнымъ языкомъ. Читается сочиненіе, за исключеніемъ послѣдней главы, съ захватывающимъ интересомъ. Въ виду указанныхъ достоинствъ я признаю настоящее сочиненіе не только весьма прекрасною кандидатскою диссертациею, но и заслуживающею особаго вниманія Совѣта Академіи“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Петрова:

„Своею задачею авторъ поставилъ проанализировать, провѣрить, сопоставить и объединить тотъ громадскій матеріалъ который онъ нашелъ въ русской и западной литературѣ, слѣ

лать соответствующие общіе выводы и освѣтить еще незатронутые или малоработанные пункты. Въ числѣ такихъ пунктовъ оказался вопросъ о происхожденіи аеонскаго подлинника (стр. XXXII—III). Соответственно этой задачѣ своей, авторъ, изложивъ въ предисловіи краткій очеркъ библіографіи своего предмета, самое сочиненіе свое дѣлитъ на двѣ части, изъ коихъ первая заключаетъ общее историко-археологическое обозрѣніе аеонской живописи, а вторая говоритъ объ аеонскихъ иконописныхъ руководствахъ. Въ первой части заключаются четыре отдѣла: 1) общій взглядъ на состояніе аеонскаго искусства до XVI вѣка, доказывающій, что съ X вѣка на Аѳонѣ имѣло мѣсто византійское искусство, постепенно приходившее къ упадку; 2) оживленіе аеонскаго искусства въ XVI вѣкѣ, подъ вліяніемъ Италіи; 3) неблагоприятный для аеонскаго искусства періодъ въ XVII и въ первой половинѣ XVIII в.в., или періодъ упадка аеонскаго искусства, получающаго ремесленный и компилятивно-подражательный характеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ появленія толковыхъ ерминій или иконописныхъ подлинниковъ и 4) вторичное оживленіе аеонскаго искусства съ половины XVIII вѣка до нынѣшнихъ дней, характеризуемое, впрочемъ, у автора тоже упадкомъ художественнаго вкуса на Аѳонѣ. Вторая часть сочиненія объ аеонскихъ иконописныхъ руководствахъ дѣлится на два отдѣла: 1) о толковыхъ или простыхъ подлинникахъ и 2) лицевыхъ аеонскихъ подлинникахъ. Первые получили свое начало еще въ Византіи, съ X вѣка извѣстны стали и на Западѣ Европы и, съ примѣсю Итальянскаго вліянія, стали вновь составляться на Балканскомъ полуостровѣ съ XVI вѣка. Въ позднѣйшихъ редакціяхъ своихъ эти подлинники имѣютъ техническую и иконографическую части, изъ которыхъ первая по происхожденію старше послѣдней. Второй отдѣлъ второй части сочиненія, т. е. о лицевыхъ аеонскихъ подлинникахъ, послѣ общаго обзора извѣстныхъ лицевыхъ русскихъ иконописныхъ подлинниковъ, сообщаетъ свѣдѣнія объ аеонскихъ лицевыхъ рукописяхъ, которыя, впрочемъ, могли только доставлять извѣстный матері-

аль для лицевыхъ подлинниковъ, но не составляютъ самыхъ подлинниковъ.

Изложенный планъ сочиненія представляетъ собою тѣ рамки, въ какія вставленъ собранный авторомъ матеріалъ. Но эти рамки оказываются слишкомъ тѣсными для богатаго и разнообразнаго матеріала, который не укладывается въ нихъ и нарушаетъ стройность плана всего сочиненія и расположенія отдѣльных его частей и отдѣловъ. Сочиненіе раздѣляется на двѣ весьма неравныя между собою по объему части; но это дѣленіе не вытекаетъ изъ существа дѣла, какъ сознается отчасти въ этомъ и самъ авторъ, когда говоритъ, что вопросъ о происхожденіи аеонскаго подлинника, составляющій содержаніе второй части сочиненія, есть только одинъ изъ пунктовъ въ его сочиненія (стр. XXXII—III). Дѣйствительно, это только частный пунктъ, котораго авторъ касался уже въ третьемъ отдѣлѣ первой части своего сочиненія. Притомъ же аеонскаго иконописнаго подлинника въ собственномъ смыслѣ этого слова и не оказалось въ дѣйствительности. Вся эта часть могла бы быть только приложеніемъ къ сочиненію, а не органическою его частью.

Центръ тяжести сочиненія заключается въ первой его части, излагающей четыре отдѣла или періода въ развитіи аеонской живописи. Но и эти періоды, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ точно и вѣрно установлены и охарактеризованы. Первый періодъ византійскій у него простирается до XVI вѣка и оканчивается упадкомъ византійскаго искусства. Но, съ одной стороны, въ числѣ образцовъ иконъ этого періода авторъ указываетъ нѣкоторыя хотя бы и плохія, но несомнѣнно написанныя подъ вліяніемъ итальянскимъ, какъ напр. икону Богородицы Попской, писанную на полотнѣ, наклеенномъ на доску, что указываетъ уже на приемы итальянскихъ живописцевъ; а съ другой стороны, и въ XV вѣкѣ указываетъ на нѣкоторыя иконы, вовсе не свидѣтельствующія объ упадкѣ аеонской живописи въ этомъ вѣкѣ, какъ напр. на икону Богородицы Елеусы

въ серебряномъ окладѣ въ Порфиріевской коллекціи и икону Претечи въ Муравьевской коллекціи, связанную съ именемъ Панселина. А это показываетъ, что возрожденіе живописи на Аѳонѣ и вообще на Балканскомъ полуостровѣ, подъ вліяніемъ Италіи и на основаніи древне-византійскихъ мотивовъ, началось не съ XVI вѣка, а ранѣе, еще въ XV вѣкѣ. Третій періодъ, періодъ упадка аѳонской живописи въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, по нашему мнѣнію, не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ четвертаго періода исторіи аѳонской живописи. Послѣдній, не смотря на количественное увеличеніе памятниковъ церковной живописи, по внутреннему своему характеру есть тоже періодъ упадка живописи и художественнаго вкуса на Аѳонѣ, даже съ болѣе ярко выраженными признаками этого упадка. Кажется, авторъ заимствовалъ рубрики періодовъ исторіи аѳонской живописи у тѣхъ авторовъ, которыми онъ пользовался, такъ сказать, на вѣру и не имѣлъ смѣлости уклониться отъ ихъ взглядовъ, хотя иногда и самъ чувствовалъ неловкость своего положенія въ этихъ готовыхъ рамкахъ. Мы видѣли, что къ концу перваго, византійскаго періода исторіи аѳонской живописи, т. е. ко времени упадка ея, авторъ относитъ икону Претечи, вовсе не свѣдѣтельствующую объ упадкѣ живописи, но подробнѣе говорить объ этой иконѣ уже при обзорѣ втораго, цвѣтущаго періода развитія аѳонской живописи подъ вліяніемъ итальянскимъ, на томъ только основаніи, что эта икона соединена съ именемъ знаменитаго Панселина, жившаго уже во второй половинѣ XVI вѣка. Очевидно, смущало его имя Панселина, которому позднѣйшее преданіе приписывало всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя произведенія аѳонской живописи не только XVI, но и XV в., подобно тому, какъ у насъ въ Россіи всѣ замѣчательныя иконы XIV—XV в. в. нерѣдко приписываются извѣстному иконописцу Андрею Рублеву. Схема послѣднихъ двухъ періодовъ аѳонской живописи, повидимому, заимствована изъ внѣшней исторіи Аѳона и не примѣнима къ его живописи.

Но независимо отъ плана, сочиненіе отличается крупными внутренними достоинствами. Авторъ собралъ богатѣйшій матеріалъ для своего сочиненія, и не только собралъ, но и въ значительной мѣрѣ провѣрилъ его и обработалъ. Собраны имъ все доступныя ему свѣдѣнія объ аеонскихъ иконахъ и критически провѣрены хронологическія показанія объ извѣстныхъ иконописцахъ или иконахъ, иногда съ замѣчательными проникательностію и остроуміемъ, какъ напр. о времени жизни изографовъ Фрагга Кателлана изъ Оливъ, Панселина и др. Что же касается оцѣнки внутреннихъ достоинствъ аеонской живописи, то авторъ сочиненія весьма часто вынужденъ былъ говорить объ извѣстныхъ произведеніяхъ ея не по личному знакомству и изученію, а на основаніи сужденій, иногда разнорѣчивыхъ до противоположности, различныхъ специалистовъ дѣла и даже диллетантовъ. Въ такихъ случаяхъ авторъ нерѣдко и ограничивался только сводомъ и сопоставленіемъ различныхъ отзывовъ объ одномъ и томъ же произведеніи. Но тамъ, гдѣ авторъ имѣлъ возможность познакомиться непосредственно съ вещественными памятниками иконографіи и изучать ихъ,—онъ обнаруживаетъ весьма рѣдкую, почти небывалую между студентами академіи способность самостоятельно оцѣнивать иконографическіе памятники и давать имъ то или иное мѣсто въ исторіи аеонской иконографіи. Пробнымъ оселкомъ для него въ этомъ отношеніи послужилъ Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи съ его богатыми иконными коллекціями и особенно собранія иконъ извѣстныхъ путешественниковъ по Востоку А. Н. Муравьева и преосвященнаго Порфирія Успенскаго. Тщательное изученіе подходящихъ къ его задачѣ иконъ Церковно-археологическаго музея, въ связи съ другими пособіями по иконографіи, выработало въ авторѣ болѣе или менѣе правильные и устойчивые взгляды на священную живопись, что благоприятно отразилось и на самомъ сочиненіи. Мѣстами онъ даетъ весьма дѣльную оцѣнку цѣлымъ періодамъ или отдѣльнымъ явленіямъ въ исторіи аеонской живописи, какъ напр. періоду возрожденія аеон-

ской живописи въ 16-мъ вѣкѣ. Въ общемъ сочиненіе весьма хорошее“.

19) О сочиненіи студента Василя *Пестрякова* на тему: „Задачи и средства служенія православнаго пастыря въ наше время“.

а) И. д. доцента В. Экземплярскаго:

„Сочиненіе г. Пестрякова состоитъ изъ четырехъ главъ. Первая изъ нихъ посвящена авторомъ краткому обзору обязанностей пастырскаго служенія вообще и характеристикѣ современной жизни русскаго общества; во второй главѣ говорится о сообщеніи религіозныхъ знаній; въ третьей—о борьбѣ съ заблужденіями современной религіозной и отрицательной мысли; въ четвертой—о пастырскомъ руководствѣ и возможномъ вліяніи пастыря на личную и общественную жизнь вѣрующихъ. Трудно указать исходный пунктъ, какимъ могъ бы руководиться авторъ для избраннаго имъ дѣленія своего сочиненія, но все же этотъ планъ можетъ быть признанъ достаточнымъ, такъ какъ имъ обнимается служеніе современнаго пастыря со всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ. Можно было бы еще пожелать, чтобы авторъ остановился и на жизни инославнаго прихода и пастырства, представляющей не мало интереснаго и для православнаго пастыря; но безспорно авторъ вправѣ былъ и не расширять задачъ своего сочиненія до такихъ предѣловъ,—тѣмъ болѣе, что ему не удалось исполнѣ удачно справиться и съ намѣченной имъ программой. Въ своемъ обзорѣи задачъ современнаго пастырскаго служенія въ Россіи и въ указаніи тѣхъ средствъ этого служенія, какія находятся или могутъ находиться въ распоряженіи православнаго пастыря, авторъ далекъ отъ научныхъ пріемовъ, и его труду не достаетъ ни основательности, ни достаточной полноты. Положительныхъ данныхъ о жизни современнаго русскаго общества авторъ собралъ и указалъ мало. Онъ ограничился своимъ достаточнымъ, въ

общемъ, знакомствомъ съ русскою жизнію и говорить о различныхъ ея явленіяхъ, какъ о дѣлѣ общезвѣстномъ. Точныхъ данныхъ, наиримѣрь цифровыхъ, извлеченій изъ различнаго рода официальныхъ отчетовъ авторъ почти не даетъ; не видно широкаго знакомства его и съ литературой вопроса, особенно разсѣянной въ различныхъ нашихъ духовныхъ журналахъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Въ виду такого положенія дѣла естественнѣе всего, казалось бы, автору почаше подтверждать свою рѣчь ссылками на авторитетныхъ въ области разсматриваемаго имъ предмета лицъ; но такихъ ссылокъ на лица дѣйствительно авторитетныхъ, какъ наиримѣрь В. О. Пѣвницкій, арх. Амвросій..., мы нашли сравнительно немного; иногда же довольно рискованная, хотя быть можетъ и справедливая характеристика современной жизни дѣлается авторомъ на основаніи случайныхъ отзывовъ лицъ талантливыхъ, но не достаточно компетентныхъ въ данномъ случаѣ. Благодаря всему сказанному получается такое впечатлѣніе при чтеніи сочиненія г. Пестрякова, что авторъ высказываетъ или давно извѣстныя и прекрасно раскрытыя предшествовавшими трудами положенія; или же говоритъ бездоказательно, б. частію предположительно только, такъ какъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго фактическаго матеріала и болѣе или менѣе провѣренныхъ данныхъ для рѣшительныхъ заключеній. Вообще, множество вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ (до постановки академическаго и университетскаго преподаванія включительно) разсматриваются имъ бѣгло и поверхностно. Если нельзя поставить автору въ вину то, что онъ не могъ разсмотрѣть въ своемъ небольшомъ сочиненіи всѣхъ вопросовъ достаточно подробно и обстоятельно, то можно пожалѣть, что онъ не ограничилъ своего выбора только наиболѣе существеннымъ, а главное современно интереснымъ. — Такое ограниченіе, быть можетъ, дало бы автору возможность серіознѣе взглянуть и научно освѣтить хотя нѣкоторыя стороны пастырской дѣятельности. Въ на-

стоящемъ же видѣ его сочиненіе едва ли можетъ быть признано научнымъ трудомъ, скорѣе же его надо назвать публицистическимъ этюдомъ.

Но при отмѣченныхъ недостаткахъ сочиненіе г. Пестрякова въ немъ есть и довольно много цѣннаго, позволяющаго судить о способности автора къ свободному изложенію своихъ мыслей и самостоятельному сужденію по различнымъ вопросамъ жизни и пастырской дѣятельности. Языкъ сочиненія легкій и въ общемъ правильный; нѣкоторымъ недочетомъ во внѣшней сторонѣ сочиненія можно признать только своеобразное употребленіе авторомъ знаковъ препинанія (особенно всеобъемлющее значеніе, усвояемое имъ двоеточію). И самое содержаніе сочиненія, хотя и дало мнѣ поводъ назвать его публицистическимъ этюдомъ, но безспорно этюдомъ серьезнымъ. Авторъ видимо близко знаетъ жизнь русскаго прихода и духовенства; живо чувствуетъ ея главные недочеты и нужды; чутко прислушивается къ современнымъ теченіямъ мысли и жизни, и судить о нихъ въ общемъ основательно. Все это позволяетъ мнѣ признать сочиненіе г. Пестрякова вполне удовлетворительнымъ для полученія его авторомъ кандидатской степени“.

б) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Авторъ выходитъ изъ того положенія, что хотя обязанности пастырскаго служенія опредѣлились уже при установленіи его на все дальѣйшее время, тѣмъ не менѣе жизнь постоянно выдвигаетъ свои особые запросы къ пастырю, требуя отъ него соответствующихъ средствъ и способовъ удовлетворенія ихъ. Отсюда, правильное пониманіе ихъ—непрерывный долгъ пастыря, выполненіе котораго возможно только послѣ тщательнаго всесторонняго изученія состоянія современнаго ему общества. Итакъ, планъ работы студента В. Пестрякова опредѣляется совершенно естественно, самъ собою: сначала дать характеристику современнаго состоянія русскаго общества,

а затѣмъ, намѣтивъ открывающіяся въ ней особыя задачи для пастыря, рассмотретьъ каждую изъ нихъ детально.

Такъ авторъ и дѣлаетъ, при чемъ, отдѣливъ въ своей характеристикѣ простой народъ отъ интеллигентнаго класса, онъ анализируетъ желательную дѣятельность пастыря по отношенію къ тому и другому особо. Дѣятельность эта соотвѣтствующими наиболѣе цѣлесообразными путями и средствами, по мысли автора, должна направляться въ наше время—1) къ расширенію религіознаго просвѣщенія, какъ въ народѣ, такъ и въ средѣ интеллигенціи, 2) къ борьбѣ съ религіозными заблужденіями—расколомъ и сектантствомъ въ народѣ, съ невѣріемъ и маловѣріемъ въ интеллигентныхъ классахъ, 3) къ поддержанію на высотѣ христіанскихъ идеаловъ нравственной жизни всего русскаго общества и, наконецъ, 4) къ содѣйствію правильному гражданскому и соціальному развитію русскаго народа путемъ выясненія, въ духѣ православной церкви, гражданскихъ и общественныхъ обязанностей его.

Вопросъ, взятый для изслѣдованія авторомъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе живыхъ современныхъ вопросовъ. Область религіозной жизни, вслѣдствіе различныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднее время, возбуждаетъ къ себѣ все большій интересъ въ нашемъ обществѣ, привлекая вниманіе и свѣтскихъ интеллигентныхъ классовъ. Отсюда, для русской церкви, въ лицѣ ея представителей—духовенства, открываются широкія задачи: дѣятельность ея, по необходимости, должна проявляться болѣе интенсивно, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, пойти иными путями. Такое положеніе дѣла, естественно, выдвигаетъ вопросъ о пастырствѣ весьма замѣтно и въ нашей періодической литературѣ, при чемъ рѣшеніе его дается здѣсь далеко не одинаковое.

Автору предстояла задача правильно оріентироваться и въ этой литературѣ и въ практическомъ положеніи дѣла. Для удовлетворительнаго рѣшенія ея требовалось спокойное объективное отношеніе къ вопросу; требовалась, далѣе, нѣкоторая

доля практического опыта, знаніе жизни, въ частности—жизни и дѣятельности русскаго священника. И авторъ справился со своею задачею довольно успѣшно. Съ его положеніями, вообще, нельзя не согласиться, хотя кой гдѣ, быть можетъ, краски нѣсколько и сгущены имъ.

Желательно было бы видѣть бѣольшую обстоятельность въ обзорѣ частныхъ положеній изслѣдуемаго вопроса и болѣе солидную аргументацію—путемъ засвидѣтельствованныхъ фактическихъ данныхъ—высказываемыхъ сужденій, а для этого требовалось болѣе обстоятельное знакомство съ относящеюся сюда литературой. Между тѣмъ цитація автора весьма скудна. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи извиняющимъ обстоятельствомъ для него нужно считать болѣзнь, все время тормозившую его работу: авторъ не имѣлъ возможности отдаться послѣдней со всей энергіей. Не смотря на это, и въ настоящемъ видѣ сочиненіе даетъ цѣльное законченное впечатлѣніе, ясно свидѣтельствуя о способности автора *легко* справляться съ подобнаго рода литературными работами. Запросы (главнѣйшіе, болѣе настоятельные) современной жизни нашего народа и нашей интеллигенціи къ пастырю и средства удовлетворенія ихъ очерчены авторомъ, въ общемъ, правильно, хотя по мѣстамъ съ излишнею яркостью.

Хорошему литературному изложенію вредитъ оригинальная неправильная разстановка знаковъ препинанія, въ значительной степени затрудняющая чтеніе сочиненія.

Какъ диссертация на степень кандидата богословія, сочиненіе В. Пестрякова, по моему мнѣнію, должно быть признано вполне удовлетворительнымъ“.

20) О сочиненіи студента Владиміра *Подобѣдова* на тему: „Русское паломничество на православный Востокъ въ первой половинѣ XIX в. (1800—1850 г.г.)“.

а) Доцента, священника О. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ главъ.